

A vintage illustration of a young girl with brown hair, wearing a bright pink sleeveless dress with a bow at the collar and large red bows in her hair. She is sitting on a green lawn, looking towards the viewer. The garden is filled with various flowers: yellow and orange bell-shaped flowers at the top, purple bell-shaped flowers on the left, a large red poppy in the bottom left, white daisies with yellow centers, pink and purple pansies, and small blue and white flowers at the bottom. The background is a soft, hazy blue.

Валентина
Чаплина

ЮЛЯ
И ЦВЕТЫ



КД
4-19
0-1КА

Валентина
Чаплина

ЮЛЯ
И ЦВЕТЫ



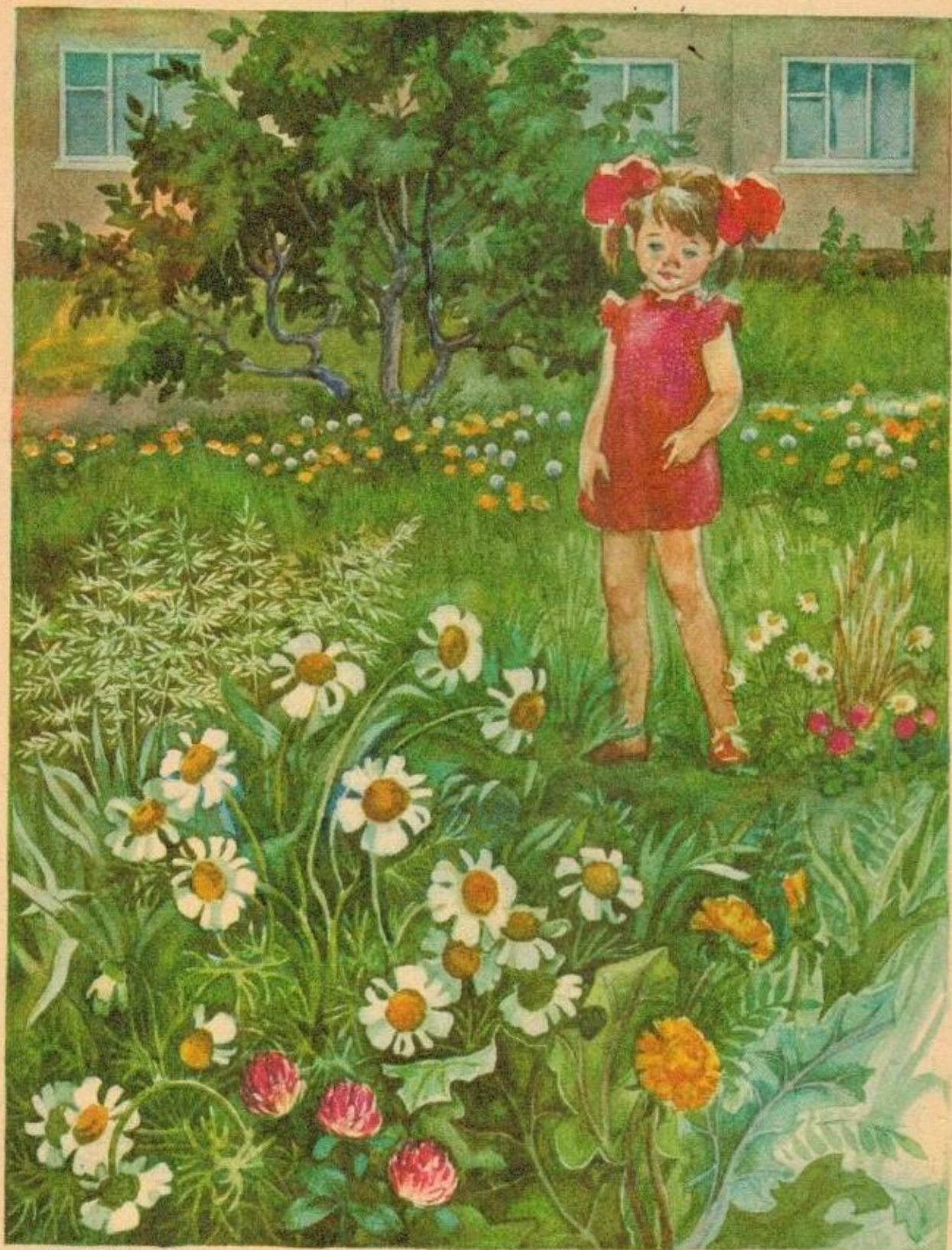
Оформление художника
ЕФЕЙКИНОЙ А. А.

Муниципальное бюджетное
учреждение культуры
«Объединение библиотек
города Чебоксары»
428017, г. Чебоксары, ул. Гусевская, 11

МБУК «Объединение библиотек
города Чебоксары»
Отдел
организации фонда (к/х)

сф-10-87

ЧЕБОКСАРЫ
ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986





Цветочная считалка и новые знакомые

Юлька стояла во дворе и большущими глазами смотрела на девочек, которые играли в прятки. Ее они в игру не брали, потому что Юлька была маленькая. Девочки считались.



Одуванчик, лютик, кашка,
Маргаритка, василек,
Колокольчик и ромашка,
Гладиолус и вьюнок,
Мак, цикорий и репей,
Выходи да поскорей.

Юльке очень нравились эти слова. Какие-то из них она уже слышала, а многие были незнакомы. Юлька подошла к девочкам.

— А... где они все?

— Кто?

— Лютик, ромашка... репей.

Юлька хоть и была маленькая, но «р» выговаривала хорошо.

— Ты что, не знаешь?— удивились девочки.

Юлька так замотала головой в разные стороны, что красный бант, сидевший на макушке, съехал набок. Девочки засмеялись, но не из-за банта. Им стало смешно, что Юлька не знает простых вещей.

— Да вот же они!

— Где?..

— Ну вот, кругом, разве не видишь?

И убежали прятаться. Около Юльки осталась только одна. Она закрыла глаза ладошками и стала считать вслух:

— Раз, два, три, четыре...

Юлька повертела головой, посмотрела вокруг себя, но никого не увидела. Она подумала, что над ней посмеялись. Надула губы и ушла домой.

Мама варила обед. В открытое окно ей был виден весь двор.

— Никто над тобой не смеялся,— сказала она Юльке,— и нечего зря губы надувать. Девочки называли цветы. Это была цветочная считалка.

Юлька посмотрела на журнальный столик. Здесь всегда стояла ваза с цветами. Сейчас в ней красовался один цветок. Торжественный и гордый.

— У каждого цветка есть имя,— говорила мама.— Тебя зовут Юля, меня Вера, а это — Роза. Цветов очень много и называются они по-разному. Некоторые растут у нас во дворе. Иди, познакомься с ними.

Юлька пулей вылетела во двор. Она очень любила носиться, прыгать, скакать. Красный бант потерялся где-то по дороге на лестнице.

Во дворе никого не было. Девочки уже играли в другом месте. Юлька в один миг облетела двор и опять надула губы. А мама смотрит на нее из окна.

— Не бегай сломя голову. Цветы любят, чтобы их разглядывали внимательно.

Но ведь стоять на одном месте неинтересно. Юлька вздохнула. И вдруг ей показалось, что на нее кто-то смотрит. А рядом никого не было. Юлька обернулась.

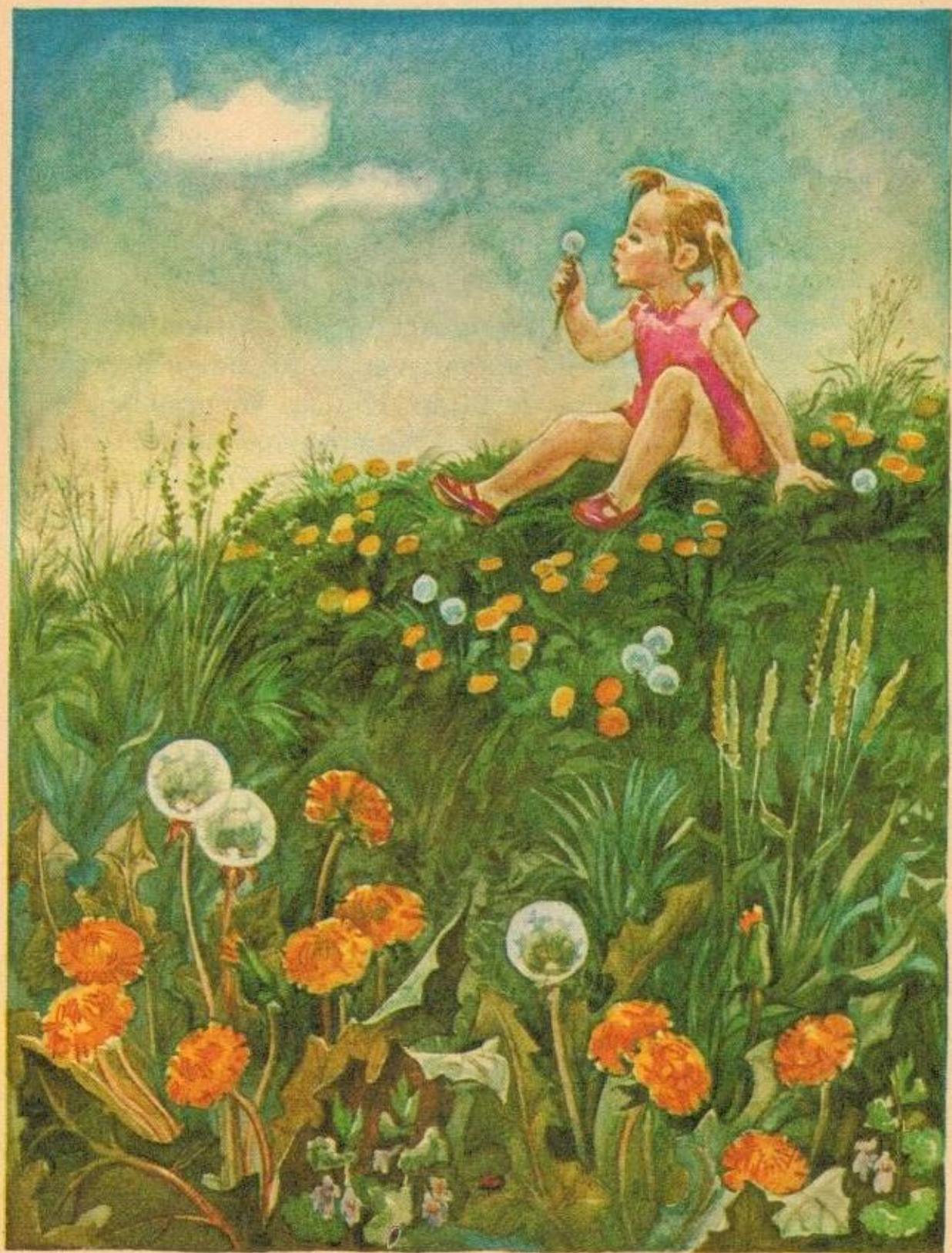
Во дворе стояла скамейка. Сейчас тут никто не сидел. Около деревянной скамейкиной ноги Юлька увидела веселый кустик. Она каждый день раз сто здесь пробежала и не обращала на него внимания. А сейчас поняла, что именно он-то и смотрит на нее. Круглыми желтыми глазами. Вокруг каждого глаза белые язычки, как реснички. И глаз этих не два, как у Юльки, а много-много. Сидят глазки на зеленых неровных палочках. Только сейчас Юлька хорошо разглядела их. Во дворе было тихо-претихо, и она ясно услышала незнакомый тонкий голос:



Здравствуй! Я зовусь РОМАШКА.
Я везде-везде расту.
Видишь, я не замарашка,
Соблюдаю чистоту.

Это говорил... кустик. Да, да, именно он. Юлькины глаза стали огромными. Она присела на корточки. Кустик шевельнулся, видно, обрадовался, и снова заговорил:

— Здравствуй



И правда, кустик был такой чистый, аккуратный, что на него все время хотелось смотреть. Юля глянула на свое платье. Около кармашка сидели два пятна от компота. Ей стало стыдно. Она подумала: «Ой, а я как замарашка». И сказала:

— Я тоже буду аккуратная. Вот честное детсадское. Меня зовут Юля. А ты цветок, да?

Ромашка закивала.

— Это у меня цветы, а это листья, они сидят на стебельках,—она сначала пошевелила белыми ресничками и желтыми глазками, потом плавно взмахнула зеленым тонким кружевом.

— Какая ты красивая!—удивилась Юлька.

— Я для этого и живу.

— Для чего «для этого»?

— Для красоты. И еще для вашего здоровья. Из меня лекарство делают.

— И не только из тебя. Говоришь так, будто одна ты лекарственная!

Юлька услышала голос чуть поглубже ромашкиного. У другой скамейкиной ноги тоже сидел кустик. Но он совсем не похож на Ромашку: цветы крупные и все целиком золотые. Каждый на отдельной высокой ножке.

— Ой, сколько солнышек! А тебя как зовут?

— Одуванчик. Из меня тоже лекарство делают. И из листьев, и из корней.

— Да-а?

— А ты салат любишь?

— Люблю. Я манную кашу не люблю.

— Разве? Гм...—Одуванчик явно не знал, что ответить насчет манной каши. Но не смутился.—Когда мама

будет делать салат, сорви мои молодые листочки и отнеси ей.

— Зачем?

Одуванчик замолчал и потупился.

— Его листья вкусные и полезные,— сказал кто-то, а кто, Юля не поняла, потому что снова заговорил Одуванчик.

— Только пусть мама сначала положит их на полчаса в соленую воду. Чтоб не горчили.

Юлька открыла рот от удивления.

— Ты что-то хочешь спросить?

— А... а...— Юлька не знала, что спросить,— а ты не можешь говорить, как Ромашка?

— Как это?

— Складно.

— Стихами, что ли?

Одуванчик приосанился, откашлялся и произнес:



Я под солнцем вырастаю
С головою золотой,
А промчатся дни, и стану,
Словно дедушка, седой.

Юлька засмеялась. Она представила своего дедушку.

— Дедушка же черный! Как я! Видишь, какие у меня волосы!

— Я говорил про старого дедушку,— Одуванчик кивнул на другой кустик, сидевший поодаль.

Юлька увидела вместо золотых солнышек белые пушистые шарики. Они были такие воздушные, что казалось: вот-вот оторвутся от своих ножек и поднимутся

к облакам. Но они не отрывались, сидели спокойно и смотрели на Юлю. Потом один шарик сказал:

— Дунь на меня! Ну, дунь! Дунь!

Юля заулыбалась:

— Тогда ты будешь не Одуванчик, а О-дунь-ванчик! Да?

— Да.

И они все рассмеялись.

Как только Юля дунула, от белой головы О-дунь-ванчика оторвались маленькие пушинки и весело взмыли вверх. Казалось, они только и ждали, когда Юля на них дунет. Юля дула, дула. Пушинок отрывалось все больше и больше. Вот взлетела последняя. Теперь у О-дунь-ванчика вместо большой пушистой головы осталась ма-аленькая лысая головка. Но он не расстроился, а весело качал ею.

— А тебе не больно?

— Нисколько! Эти пушинки — мои семечки. Из каждого может вырасти целый кустик.

— Из такого маленького — и такой большой?

— Да. Все наши кустики вырастают из семечек.

— И твой тоже? — обернулась Юля к золотому Одуванчику.

— Конечно. Я тоже скоро поседею. Приходи тогда на меня подуть. Ладно?

Юля кивнула.

— Ты почаще приходи. Только до трех часов дня. А то я в три уже спать ложусь.

— Спать ложишься?

— Ну да, зажимаюсь вот так и сплю. А ты во сколько?



— Я?— Юля немножко растерялась.— Я... после «Спокойной ночи, малыши»,— сказала она, а про себя подумала: «Правда, не всегда сразу ложусь. Бывает, еще покапризничая. Но больше не буду. Хочу вовремя ложиться, как Одуванчик».

До чего интересно разглядывать, что растет во дворе. Теперь Юля сама подбежала к высокому кусту с голубыми цветами. Он был высокий, почти как Юля. И ей не пришлось садиться на корточки. Цветы у него большие, круглые, как пуговицы на мамином халате. Только намного красивее: пуговицы ведь не живые.

— Как тебя зовут?

— Гм... Гм...



А зовут меня — ЦИКОРИЙ.
Это ты запомнишь вскоре.
И во все, во все глаза
Я гляжу на небеса.

Юля подумала: «Наверно, поэтому цветы у него такие голубые».

Цикорий продолжал:



И вопрос задам тебе я,
Отвечай-ка, не тая:
Кто сегодня голубее —
Наше небо или я?

Юлька посмотрела на небо, потом на цветок и решительно выпалила:

— Вы одинаковые!

Цикорий остался очень доволен. Юльке имя этого

цветка показалось очень знакомым. Где она его слышала? И вдруг вспомнила и радостно закричала:

— Папа всегда говорит: «Мне кофе только с цикорием».

— Да, я тот самый Цикорий,— утвердительно кивнул цветок.

— Ой, какие вы все...— Юлька хотела что-то сказать, но никак не могла найти подходящего слова. И тут почувствовала, что кто-то энергично тянет ее сзади за подол платья. Оглянулась—никого нет. А кто-то все равно тянет и тянет. Да это же, оказывается, «собака» в нее вцепилась. Нет, не такая, которая лает и виляет хвостом. А куст с колючками. Ребята эти колючки называют «собаками» и кидаются ими, когда играют в войну.

— Пусти, ты чего?

— Не пущу,—прохрипел незнакомый голос. И еще сильнее потянул за подол.

— Почему не пустишь?

— Потому что дождь будет.

Юлька не могла понять, причем тут дождь. Но хрипловатый голос все объяснил:



Я прривязчивый РРЕПЕЙ,
Пррилипаю, будто клей.
Если выставлю колючки
Так, что мимо не прройдешь,
Это значит, что из тучки
Непрременно хлынет дождь.

Вот!—сказал он и замолчал.

Юлька подумала: «Наверно, он только что научился говорить «р». Она сама когда научилась выговаривать «р», все ррокотала. А теперь привыкла.

Вдруг все цветы стали зажмуриваться. Вот уже не видно небесно-голубых глаз Цикория. И Одуванчики сложились в недлинные зеленые трубочки.

— Вы спать уже легли, да?

Цветы закачались.

— Нет-нет, что ты! Спать рано. Это мы с тобой заговорились и не заметили, что дождь собирается.

А хриплый голос добавил:

— Мы баррометрры!

Юля уже слышала это слово. Папа говорил: «Когда мы купим барометр, наконец? Утром не знаешь, брать зонт или нет?» Папа рассказывал, что барометр это прибор, который предсказывает погоду. Его на стену вешают.

— Запомни, Юля,— сказал Цикорий,— если ты с утра увидишь меня, Одуванчик или Вьюнок с закрытыми цветами, значит, скоро дождь пойдет. А если мы смотрим, то в первой половине дня дождя не будет.

— Да-а? А... Вьюнок это кто?

— Это я.

Голос прозвучал где-то у самой пятки. Но никакого цветка там не было. Опять заговорил Репей:



Погляди, у самых ног
Вьется маленький ВЬЮНОК.
Много раз видала ты
Граммофончики-цветы.

— А где они?

Репей сердито сказал Вьюнку:



— Разжмурься на минутку, чтобы Юля тебя увидела.

И на тонком стебельке, который стелился по земле, вдруг раскрылись бело-розовые граммофончики. Юлька почувствовала очень приятный запах, но он быстро улетучился, потому что граммофончики тут же закрылись. А Репей опять заговорил. Он оказался очень разговорчивым.

— Если бы тут был забор, Выюнок быстро залез бы на него.

Он у нас
Верхолаз.

Юля хотела что-то сказать по этому поводу, но в это время из их подъезда выбежала Топка — соседская собачонка — и помчалась по двору. В зубах у нее был красный Юлькин бант. Вслед за ней вылетел четвероклассник Ким — хозяин Топки.

— Ах, ты так, ну, погоди! — крикнул он, подбежал к скамейке, вырвал с корнем полкуста Ромашки и погнался за Топкой.

Юлька услышала стон. Это стонала от боли оставшаяся часть куста Ромашки. Девочка бросилась за Кимом. Бегать Юлька умела быстро, а Ким был толстый и неповоротливый. Визжа на весь двор, Юлька догнала мальчишку и вцепилась ему в рукав.

— Ты что делаешь? Зачем рвешь? Ей больно! Она живая!

— Кто?

— Ромашка.

Ким сначала остановился. Быстро-быстро заморгал глазами. Потом увидел, что Топки уже нет на дворе,

да ка-ак стукнет Юльку кулаком! Как хлестанет Ромашкой! Как и толкнет в сторону! Девочка упала. А он бегом выбежал со двора на улицу.

Юлька сидела на земле, терла ушибленную ногу. Ей было очень больно, но она не плакала. Правда, слезы сами катились по щекам. Юлька думала: «Ромашке сейчас тоже очень больно, а она же молчит».

На ноге краснела ссадина. Ныла. Юлька прижала ногу к прохладной зеленой траве. И вдруг боль исчезла. Прямо как в сказке. Была и нет. Юлька вскочила, нога опять разболелась. Села, прижала ранку к траве, боль прошла. Что такое? Но Репей и на этот раз все объяснил.

— Сорви лист.

— Какой?

— Который у тебя под ногой.

Юля увидела широкий, почти круглый жилистый листок. С трудом сорвала его. Из него повисли длинные зеленые ниточки.

— Приложи к ноге. Это Подорожник,—хриповато учил Репей.—Лечит всякие болячки.

Юля приложила. Но лист упал на землю. Тогда она прилепнула его ладошкой. Лист больше не падал. Нога перестала болеть. Чудеса. Девочка стояла в траве и улыбалась. Вдруг почувствовала, что кто-то щекочет ей ногу в самом низу. Кто это? Глядь—а там странный и интересный цветок. Усатый. Цветы у него похожи на длинные фиолетовые кисточки. А на концах листьев—зеленые усы, закрученные в спиральки. Один такой ус залез в дырочку Юлиной сандалии и щекочет голые пальцы. Ой-ой-ой! Даже смеяться хочется. Цветок очень понравился Юле.



— Ой, какой ты хороший! —
Воскликнула Юля.

— Я — МЫШИНЫЙ ГОРОШЕК.
Цвету я в июле,
Но в июне и в августе тоже могу.
Жить я очень люблю на зеленом
лугу.

А к вам зашел совершенно случайно.

— Ты горошек? — удивилась Юля. — Почему ты не катишься? Все горошки катятся.

Горошек пошевелил маленькой зеленой сабелькой. В сабельке кто-то сидел.

— Это стручок, — сказал он. — В нем мои семена. Когда они созреют, выпадут из стручка, то могут и покатиться.

— К мышкам?

Цветок засмеялся.

— Куда захотят. Могут и к мышкам.

Зеленый усик перестал щекотать ногу, вылез из дырочки в сандали и зацепился за ствол маленького деревца, которое росло тут же во дворе. Эти усики ужасно любили за что-нибудь цепляться.

— А где луг? — спросила Юлька.

— Далеко, — быстро ответил Репей. Он очень любил разговаривать.

— А там, на луге...

— На лугу, — поправил он девочку.

— На лугу... тоже растут цветы?

— Полно! В сто раз больше, чем здесь. И рвут их охапками.

cy-10-87

— Кто?

— Хулиганы.

— Зачем?

— Просто так. Это же хулиганство — рвать цветы просто так.

Репей говорил сердитым голосом и очень убедительно. Юля сразу поняла — просто так цветы рвать нельзя.

Она бросилась к маме, чтоб скорее идти на луг. Но в это время как-ак линет из тучи дождь. Веселый-превеселый. Весь двор сразу намок. Тут и там заблестели лужицы. Правильно «барометры» предсказали.





Цветами нужно любоваться

Вот смотри, это—луг,—сказала мама.

Юлька завертела головой. Здесь было просторно-просторно. Ни одного деревца, ни одного кустика. Только солнце и трава. Сначала Юльке показалось, что луг просто зеленый. И все. Но она стала к нему присматриваться. Ой, что это? Кто... это? На Юлю отовсюду во все глаза глядели разноцветные жители луга. Они были такие разные! Такие яркие и интересные! Юлька вырвалась из маминой руки и побежала.

— Далеко не бегай, не мни растения.

— Какие... растения?

— Цветы, траву. Это и есть растения.

— Да-а?

Конечно, она ничего мять не будет. Только посмотрит. И тут Юля увидела Ромашку. Та весело кивала ей.



— Ты Кима испугалась, поэтому убежала с нашего двора? Тебе уже не больно?

Ромашка закачала цветами.

— Я не убегала. У вас во дворе живет моя сестра. А что с ней?

— Мальчик обидел.

— А-а...

Юля огляделась и поняла: вот—брат Одуванчика, вот—брат Цикория, а это—Вьюнка. И Репей есть. Только сейчас у него колючки не растопырены. Ведь дождик уже прошел.

Но кроме этих растений на лугу было так много незнакомцев, что Юля не знала, к кому подойти. И вдруг заметила одинокий цветок с большой круглой головой. Многие цветы сидели стайками, им было весело вместе. А этот—один. Стоит и качается под ветром. Он заметил, что Юля смотрит на него и наклонил к ней голову.



Я длинный тонкий КОРОСТАВНИК.
Я возвышаюсь над травой,
А вот до неба не достану
Сиреневою головой.

И он повернул кверху свое круглое лицо. До неба, действительно, было далековато.

— Зачем тебе небо? Смотри, как красиво на земле!

А Короставник все глядел на снежно-белые облачка, плывущие высоко-высоко. Шмель в мохнатой рубашке подлетел и сел на него. Голова Короставника сразу опустилась, и он стал смотреть на землю.

Шмель запустил свой длинный хоботок куда-то внутрь цветка и начал мять его своими лапками.

— Ты что делаешь?— возмутилась Юля.— Зачем кусаешь его? Улетай!— и согнала Шмеля.

Шмель ужасно обиделся. Сердито зажужжал и скрылся. Юля думала, что Короставник ее поблагодарит, а он тоже рассердился.

— Зачем согнала? Он не кусает. Не сгоняй с цветов ни шмелей, ни пчел, ни бабочек. Они нас опыляют.

— Как это?

Но Короставник не ответил. Очень обиделся за Шмеля. Юля подумала: «Как некрасиво обижаться. Я же не знала. Ой... а я ведь тоже часто губы надуваю. Не надо, наверно, этого делать».

И вдруг Юле вспомнилось Первое мая. Они в детском саду с флажками ходили по залу и пели песни. А зал был празднично украшен. И улицы тоже украшены, и каждый дом нарядился в красный флаг. И на Юле было новое платье. А вспомнился этот праздник потому, что Юля увидела новый цветок. Подошла к нему.



— А зовут тебя как?

— А зовут меня — МАК.

Ты же любишь цветы?

Я цветок тебе зажег.

— Ты такой красноты,

Будто майский флажок.

— Да, да,— Мак закивал своей прекрасной головой. На ней было четыре больших огненных лепестка. Вот один оторвался и сначала полетел, как бабочка, а потом

плавно опустился в траву. И внутри цветка стала видна зеленая коробочка с крышечкой.

— Ой-ой,— в испуге крикнула Юля,— зачем ты упал? Не надо!

— Не огорчайся, я недолго цвету. Два дня всего.

— А потом?

— Потом? Гм...— Мак начал объяснять: — В коробочке зреют мои семена. Видишь, сейчас она зеленая. После станет коричневой. Когда семена поспеют, коробочка откроет окна. Семена через них смогут высыпаться.

— Им не хочется жить в коробочке?

— Может, и хочется, но они должны упасть на землю.

— Зачем?

— Чтоб на будущий год из них выросли такие же красивые цветы. Я Мак-самосейка. Сам рассеваю свои семена.

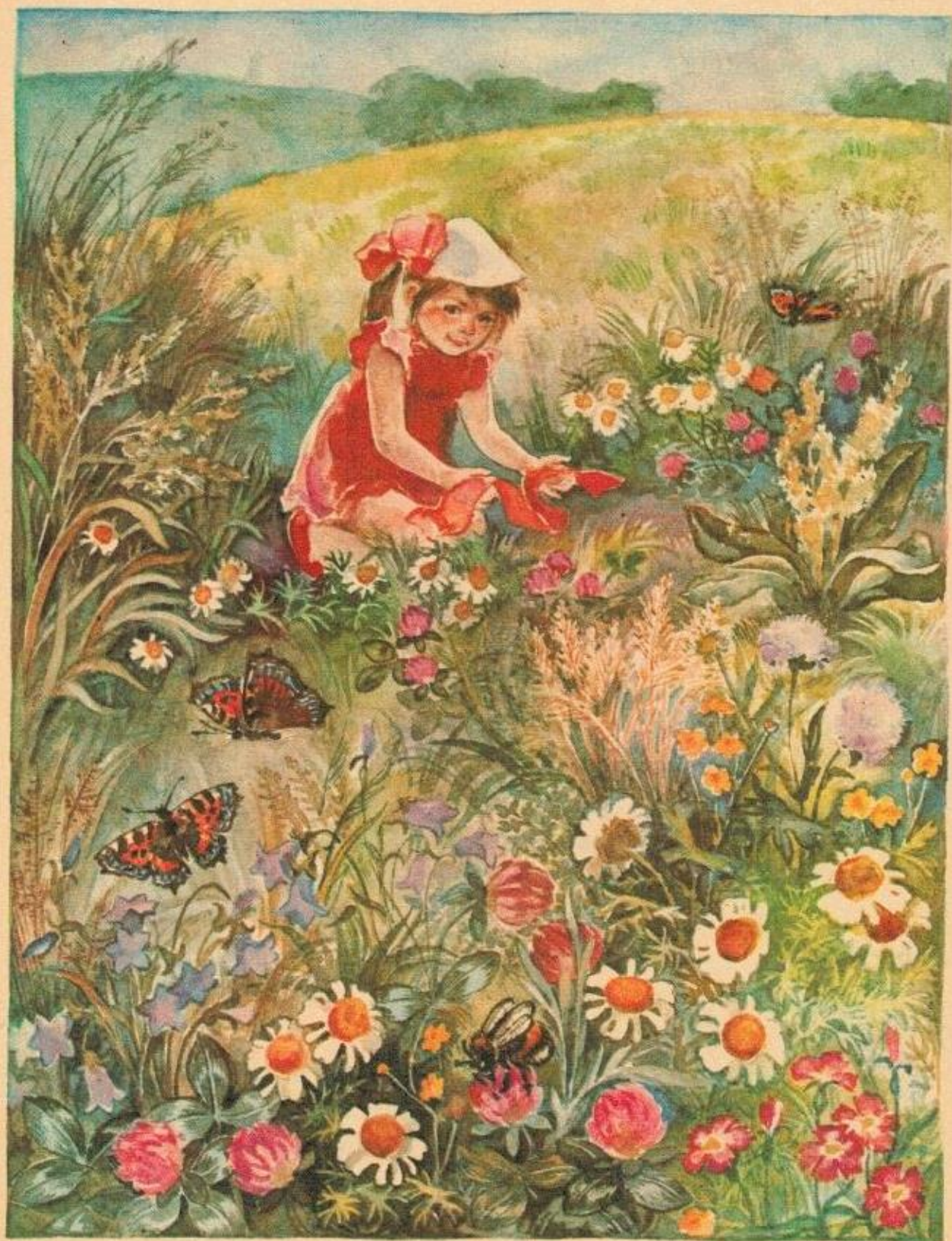
Юле очень понравилось слово самосейка. Оно звучало, как веселая коротенькая песенка. Юля только хотела запеть ее на весь луг, как услышала красивый, музыкальный голос:

— Давай познакомимся. Я — КОЛОКОЛЬЧИК.

Перед ней на тонких стебельках и, правда, качались колокольчики. Лиловые. Живые. Не металлические и не стеклянные, как на елке. А музыкальный голос продолжал:



Покрашен в лиловую краску,
Я радуюсь каждому дню.
А как попадаю я в сказку,
То весело, громко звеню.



Юлины глаза сделались большими-большими.

— А мы сейчас... в сказке?

Цветок молчал.

— Ну хоть немножечко в сказке?

Он кивнул:

— Да.

— Тогда позвени. А?

Лиловые чашечки закачались-закачались-закачались.

И Юля услышала тихий нежный звон колокольчиков. Звон полетел над лугом, поднялся ввысь, чтобы его слышали и птицы, и облака, и солнце. А потом медленно растаял, исчез где-то в вышине. Как это было хорошо!

А на Юлю глядел уже новый незнакомый цветок.



Здравствуй, Юля, я — ГВОЗДИЧКА,
Скромная на вид.
Мой цветочек-невеличка
Огоньком горит.

И правда, Юле показалось, что в траве кто-то зажег огонек. Ей даже страшно было дотронуться до цветка. А вдруг обожжешь пальцы. Неожиданно Юля опять увидела Шмеля. Он деловито кружил над цветами, выбирая, куда бы сесть. И жужжал не так сердито.

— Извини меня, Шмель, что я тебя согнала.

— Ижжжвиняю.

Он опустился на маленький кустик, у которого было много красных цветочных головок.

Кустик этот смотрел не на Шмеля, а на Юлю. Он сказал ей:



КЛЕВЕРОМ красным меня нарекли,
А зовут почему-то «кашка».
Часто ко мне прилетают Шмели
В своих полосатых рубашках.

Тут Шмель сел на головку Клевера и деловито полез хоботком внутрь цветка. Юля видела, что Клевер был этому очень рад.

«Не буду им мешать», — подумала девочка и отошла в сторонку.

А там ее ждала встреча с новым незнакомцем. Он был выше Клевера. Цветочки небольшие, но такие желтые и блестящие, что Юле захотелось зажмуриться. Но она подумала: «Какое же знакомство с закрытыми глазами?» А цветок сказал:



Я — ЛЮТИК, солнышку родня,
Узнаешь издали меня.
Живу я чаще на лугу,
Здесь солнце и простор.
Бывает, правда, забегу
И в полутемный бор.
Меня и там найдешь в траве
По ярко-желтой голове.

Юля только хотела с ним поговорить, как услышала:
— А со мной не хочешь познакомиться?

Это говорил какой-то очень странный цветок: сверху он был лиловый, снизу желтый. Такого Юля еще не видела. А незнакомец уже рассказывал о себе:



Два цвета в паре:
Желтый и лиловый.
Ты приглядишься ко мне, прошу.
ИВАН-ДА-МАРЬЯ —
Целые три слова —
Такое имя я ношу.

— Как это? — не поняла Юля.

— Тебя зовут Юля, а меня Иван-да-Марья. Желтый цвет — Марья, лиловый — Иван.

— Какое интересное у тебя имя, — удивилась девочка. И вдруг увидела в траве что-то красное. Сначала ей показалось, что сюда залетел лепесток Мака. Но он был очень большой. Юля подбежала к этому красному:

— Ой!

В траве лежал Юлин красный бант. Она потеряла его дома на лестнице, когда бежала во двор. А потом бант унесла в зубах Топка. Значит, собака здесь. И Ким тоже здесь. Что им надо на лугу? Ким может нахулиганить. Он такой!

— Топка, Топка, Топка! — позвала Юля.

И откуда-то с середины луга ей отозвался знакомый собачий визг. Потом она увидела, как в одном месте закачались травы и цветы. И это качание стало приближаться к ней. Все растения стояли вокруг спокойно, а качание длинной, узкой полоской бежало к ней. Потом оно остановилось. И перед Юлей возникла Топкина лохматая морда, обвитая Мышиным горошком.

— Топка! Ты зачем сорвала Мышиный горошек?

Собака не ответила. Только завиляла хвостом, на котором сидела колючка Репья. Юля стала снимать с



Топкиной морды Мышиный горошек. Его усики уже успели зацепиться за уши собачонки.

— Это хулиганство — рвать цветы! Ты хулиганка! — возмущалась Юля.

Вдруг Топка повернула морду туда, откуда прибежала. И Юля увидела Кима. Он шел по лугу, мямля ногами траву и цветы, а главное... Ой, Юльке даже страшно стало... Он нес в руке огромный букет цветов, с которыми она только что познакомилась.

— Ты чего мою собаку обзываешь?

— А ты и сам хулиган! — выпалила Юлька и... никуда не побежала. А ведь Ким мог ударить ее! Юлька смотрела на него смело и решительно. — Зачем сорвал? Им больно!

— Кому?

— Цветам! Они же живые!

Не зная, что ответить, он замахнулся букетом на Юльку:

— Вот как дам сейчас!

— Ой, цветами!

Юлька опять не убегала. Чудеса. И... он опустил букет.

— Вот натравлю на тебя собаку!

Юлька посмотрела на грустные, почти увядшие растения, да ка-ак заревет! Громко! На весь луг! Подошла мама.

— В чем дело?

— Тетя Вера, я ее не трогал. Честное пионерское.

— Откуда ты взялся?

— Лежал там. На лугу.

— И не стыдно тебе?

— А чего стыдно?

— Сколько помял травы и цветов!

Ким не знал, что ответить. А Юлька заревела еще пуще. Наконец, сквозь рев у нее выговорилось:

— Цве-е-ты-ы жа-алко-о...

— Эх, Ким,—с укором сказала мама,—цветами нужно любоваться, а не мять и не рвать их. Цветы красивы под золотым солнышком, под голубым небушком, под веселым ветерком. Смотри, какие они прекрасные вокруг. И на что похожи твои?

Ким озадаченно посмотрел на свой букет. Многие цветы уже закрыли глаза, опустили головы, сделались неинтересными. А когда рвал, такие красивые были! Но сдаваться ему не хотелось.

— Все рвут,—упрямо сказал мальчишка.

— Очень плохо делают.

— А на базаре сколько живых цветов продают!

— Это другое дело. Люди сами их выращивают. А ты ведь только сорвал.

— Я... маме. У нее завтра день рождения.

Топка так завиляла хвостом, что Репей отлетел неизвестно куда. Собака все понимала, о чем говорят люди.

А Юльке сразу пришел на память стишок про день рождения:



Сколько смеха, сколько пенья
Нам приносит день рожденья!
Всюду у сынов и дочек,
У больших и малышей
В этот день с утра до ночи
Рот растянут до ушей.

Она вслух не прочитала этот стишок. Только вспомнила его и заулыбалась. А у тети Веры от Киминых слов потеплели глаза.

— Ты маме хотел подарок сделать? Но для этого нужно было сорвать три-четыре цветочка и несколько зеленых травинок. Когда цветов немного, букет красивее. Воздушнее. И дольше проживет. А какая красота в твоём венике?

Мама никогда раньше не говорила стихами, а тут вдруг неожиданно произнесла:



В кулаке цветы повяли,
Их на свалку надо.
Завтра утром им едва ли
Мама будет рада.

Это прозвучало убедительно. Ким опустил голову и не знал, куда девать сорванные цветы.

— Дай, я их разберу. Те, что еще не завяли, дома поставлю в воду. Завтра утром ты подаришь их маме.

Ким обрадовался и отдал букет.

— А мы с Юлей знаем что подарим? Одуванчики!

Ким вытаращил глаза.

— Тоже мне цветы! Одуванчики!

— Это удивительно красивые цветы, Ким. Просто ты к ним не присматривался. Они как маленькие солнышки. Будут стоять и освещать всю вашу комнату.

— А их можно рвать?

— Одуванчики можно. Их очень много. И они не так быстро вянут.

— Спасибо, тетя Вера!



Ким с Топкой убежали. Мама стала разбирать вянувшие цветы. А Юля задумчиво отошла в сторонку. Реветь она уже перестала, но ей было грустно и даже немного страшно. Как же они с мамой нарвут Одуванчиков? Ведь цветам будет больно.

И тут она увидела новый цветок. Синий-пресиний, как мамины глаза. Он внимательно смотрел на нее. Цветок, наверно, слышал все, что здесь говорили.

— Ты можешь сорвать меня для Киминой мамы,— сказал он.

— А тебе не будет больно?

— Будет. Но я потерплю. Нам, конечно, больно, особенно, если рвут неизвестно зачем. Просто так сорвут и бросят. Но если для подарка, мы терпим с удовольствием. Это так приятно — приносить людям радость.

— А кто ты?



Я полевой цветок,
Я синий ВАСИЛЕК.
Я вырос в хлебной стороне,
Далеко от межи.
Но: «Ты — сорняк, — сказали мне, —
Когда цветешь во ржи».

Вот я и ушел из хлебной стороны на луг.

«А что такое «хлебная сторона»? — подумала Юля. — Может быть, это магазин, где продают хлеб?»

Она представила полки, на которых стоят буханки, лежат батоны, роглики, сайки и большие круглые кексы, посыпанные орехами. Она всегда с мамой ходила за хлебом. Но никаких цветов там не было.

— А тебя там нет.

— Где?

— В хлебной стороне.

И тут отовсюду услышала голоса:

— Как нет? Не может быть! Он оттуда!

Цветы и травы закачались. Василек вздохнул.

— Да, я цвету во ржи и... порчу рожь.— Он грустно наклонил голову, потом опять поднял ее:— Но там так красиво, что не хочется уходить. Давай посмотрим?

— Что... посмотрим?

— Ржаное поле.

— Какое?

— Поле, где растет рожь. Побежали?

Юля подумала: «Как же он побежит? У него только одна нога. Может быть, поскачет?» Но ведь они были немножко в сказке. А в сказке все возможно.





Разве они тоже обедают?

Ой! Что это? Что это такое?
Юля так удивилась, что даже перестала вертеть головой в разные стороны.

— Это поле,—сказала мама, которая тут же оказалась рядом с Юлей.— А на поле растет хлеб.

— Хле-еб? Где?

— Вот!—и мама показала вперед.

А впереди было что-то необыкновенное. Ходили волны, но не такие, как на Волге, а желто-золотые. И совсем не мокрые. Они были—живые. Из тонких стебельков. А стебельки качались... Ой... что это у них на верхушке? Усатое-усатое. Усики прямые, не такие закрученные, как у Мышиного горошка, и ни за что не цепляются.



И тут Юля услышала какой-то необычный голос. Он состоял из множества голосов, но был не очень громким. Зато очень теплым и добрым.



Познакомься, Юля, со мною.
Я обычное ПОЛЕ РЖАНОЕ.
Я под ветром играю волнами,
И вблизи они, и вдали.
А колосья, зёрнами полные,
Так и клонятся до земли.

Теплый голос растаял где-то в вышине. Но Ржаное поле не замолчало. Теперь оно тихо шуршало колосьями, с которыми играл ветер.

Мама взяла один стебелек и притянула к себе.

— Вот он, Колос, смотри. В нем зерна. Из них делают муку, а из муки пекут ржаной черный хлеб.

Колос был очень доволен. Он пошевелил усами и тихонько сказал Юле:

— Давай я тебе шею пощекочу.

Но мама в это время отпустила стебелек, и он унес усатый Колос к другим колосьям. И уже невозможно было различить, где тот, который хотел пощекотать Юле шею, а где его братья.

И тут Юля увидела Василек. Он стоял в Ржаном поле между стебельками. Сначала она подумала, что это родственник того Василька, который с ней заговорил на лугу. Но ее синеглазого знакомого рядом не было.

— Это ты?—спросила она громко.

Василек виновато опустил голову и ничего не ответил. Конечно; это был он.

— Ты туда ушел «портить рожь»? Да?

Василек молчал и упрямо разглядывал землю.

«Какой непослушный,— подумала Юля,— знает, что нельзя, а идет. Как некрасиво! Фу! Ой... а ведь и я сама частенько не слушаюсь старших. Мама говорит «нельзя», а я все равно делаю по-своему».

Юля тоже опустила голову и стала разглядывать свои ноги.

Мама посмотрела на дочку и все поняла.

— Ты больше так не будешь делать?— спросила она тихо.

— Не буду,— выдохнула Юля и посмотрела на Василек во ржи.— А почему он портит рожь? Видишь, как красиво.

— Да, красиво,— согласилась мама.— Но рожь должна быть чистой, чтобы ей ничто не мешало расти. Тогда и хлеб будет хороший, вкусный.

— А Василек разве мешает?

— Мешает. Если во ржи разрастутся Васильки и другие растения, то ей станет тесно. И она будет плохо расти. Ведь сорняки заберут часть еды и питья, которые нужны для ржи.

Юля удивленно хлопала глазами.

— Ты сегодня завтракала?— Юля кивнула.— И обедала?— Юля кивнула еще раз.— И водичку пила?

— И чай! И молоко!— выпалила Юля.— И компот! Мама улыбнулась.

— А ты думаешь, им не хочется есть и пить?

— Кому?

— Ржи, и Василькам, и всем растениям. Они же тоже живые.

Юля недоуменно молчала. Она никогда не думала об этом.

— Разве... они тоже обедают и завтракают?

— Конечно.

— А... кто же им варит? Мама?

— Да. А знаешь, кто у них мама? Земля. Она им дает еду. И еще солнышко. Без него на земле не было бы жизни. Когда ты подрастешь, узнаешь обо всем этом в школе.

Юля задумалась.

— А пить им кто дает? Дождик?

— Да, дождик,—ответила мама.

И усатые колосья согласно закивали. Обрадовались, что Юля догадалась об этом сама.

«Наверно, они любят, когда дождик идет»,—подумала девочка.

— Можно я вам песенку спою про дождик?

Колосья еще дружнее закивали. Юле стало весело. Она запрыгала на одной ножке и запела:



Дождик, дождик, поливай
С неба,
Чтобы вырос каравай
Хлеба!

Ой!—Юля остановилась и заулыбалась во все лицо. Только сейчас она поняла, о чем поется в песенке про дождик. Раньше просто пела и пела, не думая, что значат слова.

Как интересно было все видеть, обо всем узнавать и даже догадываться о чем-то самой.

А где же Василек? Среди стебельков его нигде не было. Значит, он понял свою вину и ушел, чтобы не портить рожь. Молодец синеглазый.

— Нам пора,— сказала мама,— а то нас дома, наверное, потеряли. Они пошли домой, и Юля опять запела. (Она очень любила петь.)

Мы весело шагаем
По тропочке вдвоем,
Одна нога, другая,
Идем, идем, идем.

И мама тоже вместе с Юлей запела эту песенку.

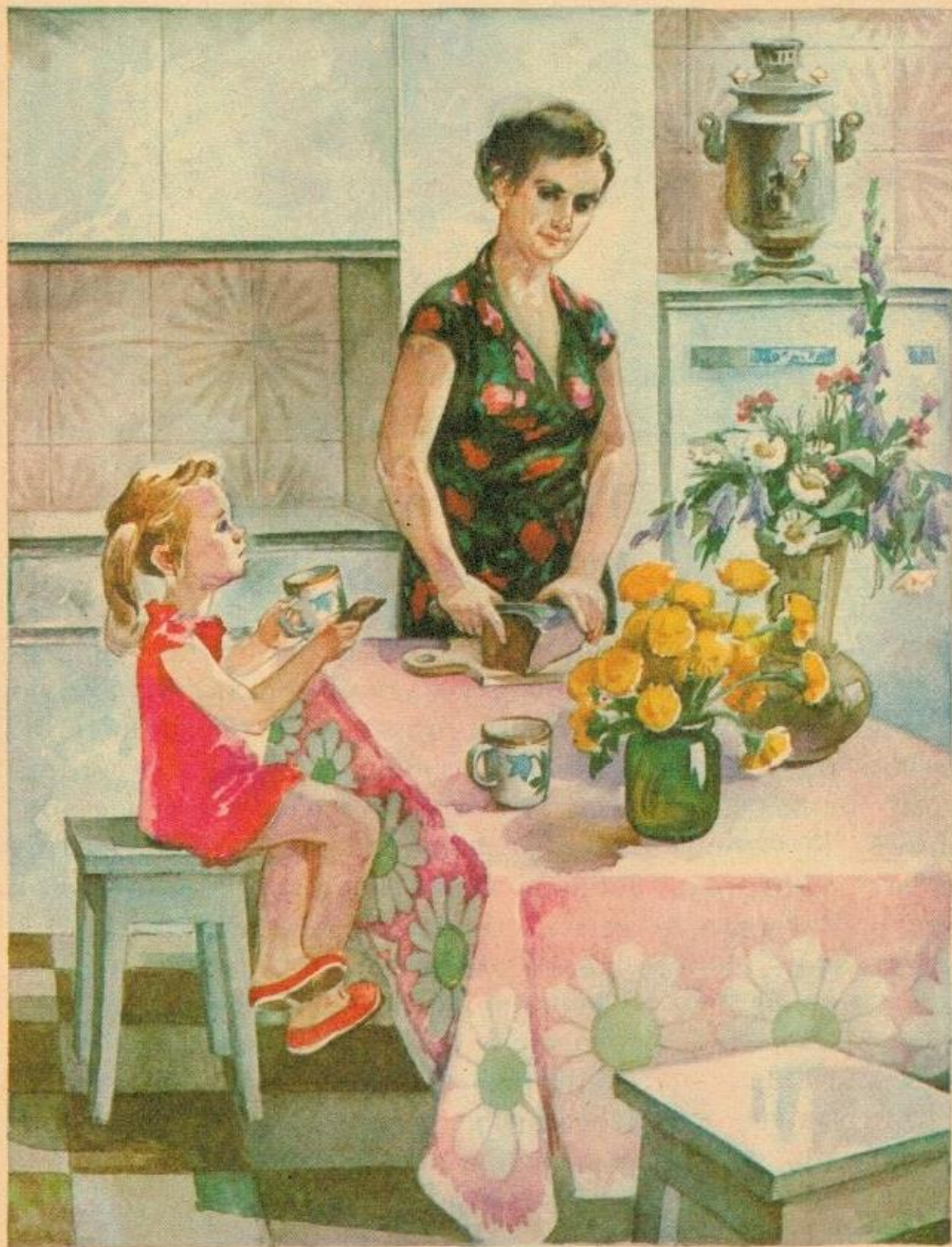




Ты не забудешь, нет?

Вечер. За стеной в соседней квартире лает Топка. Юля слушает знакомый лай и рассматривает два букета, которые стоят на подоконнике. В одном разные цветы. Белые, синие, красные. А в другом — одни Одуванчики. И этот букет ей все больше нравится. Кажется, что в комнате с подоконника светит солнце. Вот оно, доброе, живое, пушистое. От него и тепло, и светло, и весело. А на небе солнце давно уже закатилось. Но все равно хочется запеть песенку, которую девочки пели во дворе днем. И Юля запела:

Солнышко, посвети,
Покажи, куда идти,
Мы грибов в лесу набрали,
А дорожку потеряли.





Солнышко, посвети,
Покажи, куда идти,
Мы цветов в лугах нарвали,
А дорожку потеряли.

Солнышко, что же ты,
Посвети немножко!
Смотрит солнце с высоты —
Вот она, дорожка!

Юля кончила петь и вдруг стала серьезной.

— Мама, я скажу девочкам, что цветы нельзя рвать просто так.

— Скажи. Обязательно скажи. Я тебе молока налью, хочешь?

— Хочу.

Мама налила молока в Юлину любимую чашку с цветочком. Юля даже вскрикнула от радости. На чашке был нарисован Колокольчик. А она до сих пор и не знала, как его зовут.

— Здравствуй, Колокольчик.

Но он молчал, потому что был не живой, а нарисованный. Но Юле все равно стало весело, будто с другом встретилась. Захотелось опять пойти на луг, послушать, как звенит живой Колокольчик, посмотреть, как он дружески кивает ей своими лиловыми чашечками.

А с клеенки, которой был накрыт кухонный стол, на Юлю глядел красный Мак. Он тоже был неживой, но Юле показалось, что один из четырех лепестков вот-вот оторвется, упадет на пол, и внутри Мака станет видна коробочка с крышкой, в которой живут семена.

До чего же интересно стало даже в квартире, где, казалось, Юля знала все-все.

Мама отрезала кусок черного ржаного хлеба к молоку. Юля взяла хлеб в руки и вдруг почувствовала, что он пахнет... Ржаным полем. Перед ней заколыхались желто-золотые волны, и усатый Колос захотел пощекотать ей шею.

— Мама, а какой вкусный черный хлеб.

Назавтра утром Юля встала рано и выбежала во двор. Через несколько минут вернулась и деловито сказала:

— Папа, сегодня зонтик на работу не бери.

— Почему?

— Дождика не будет.

— Ты уверена?

— Уверена.

— Откуда знаешь?—папа удивленно посмотрел на дочку.

— Мне мои друзья сказали. Одуванчик, Вьюнок и Цикорий.

Папа удивился еще больше. А Юля протянула маме лист Подорожника, из которого болтались зеленые жилки-ниточки.

— Привяжи к пальцу.

Когда мама готовила завтрак, обожгла палец.

— Зачем привязывать?

— Перестанет болеть.

Мама с папой переглянулись. Мама привязала Подорожник, и палец действительно перестал болеть. Папа плащ на работу не взял. Дождика в этот день не было.

Кими́на мама была рада подаркам. Улыбаясь, она

спросила, когда у Юли и ее мамы день рождения. Потом вытащила из букета маленький невзрачный цветочек и протянула Юле.

— Это знак того, что я не забуду ваши дни.

Юля принесла цветок в свою комнату, поставила в баночку с водой и стала его разглядывать. Листья у него узкие, длинные, как зеленые лодочки. Ярко-голубыми глазками смотрел он на девочку. Внутри каждого глазка маленькая желтая серединка.

— Как тебя зовут? — спросила Юля. Цветок же был живой, не то что Колокольчик на чашке.

Зеленые лодочки шевельнулись, голубые глазки повеселели, и Юля услышала тоненький голос:



Всерьез, а не на шутку
Люблю небесный цвет.
Зовусь я — НЕЗАБУДКА,
Ты не забудешь, нет?

— Как, как? — переспросила Юля, и глаза ее округлились.

— Я — Незабудка, — повторил цветок.

— Ой, как интересно! Тебя дарят, чтобы ничего не забывать, да?

Незабудка утвердительно кивнула. Юля схватила цветок и побежала к маме на кухню. Мама сразу поняла её.

— Не бойся, я не забыла, что мы сегодня опять собирались на луг. Там еще много цветов, с которыми ты не познакомилась. Закончу дела и пойдем.

Юля от счастья зажмурилась. Как много новых дру-

зей она повстречает! Скорей бы пойти на луг! Скорей бы! Скорей бы!

Юля до сих пор не знала, что может сочинять. А тут вдруг (это, наверно, от радости) сама собой из Юли выпелась новая песенка:

Я бегу, бегу на луг,
Там живет зеленый друг.
Он кивает головой:
«Здравствуй, Юля! Я живой!»
«Здравствуй! — я ему пою. —
Слышишь песенку мою?
Так прекрасно на лугу,
Я без песни не могу!»



СОДЕРЖАНИЕ



ЦВЕТОЧНАЯ СЧИТАЛКА И НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ	3
--	---



ЦВЕТАМИ НУЖНО ЛЮБОВАТЬСЯ	19
---------------------------------------	----



РАЗВЕ ОНИ ТОЖЕ ОБЕДАЮТ?	35
--------------------------------------	----



ТЫ НЕ ЗАБУДЕШЬ, НЕТ?	41
--------------------------------	----



Для дошкольного возраста

Валентина Семеновна Чаплина

ЮЛЯ И ЦВЕТЫ

Рассказ-сказка

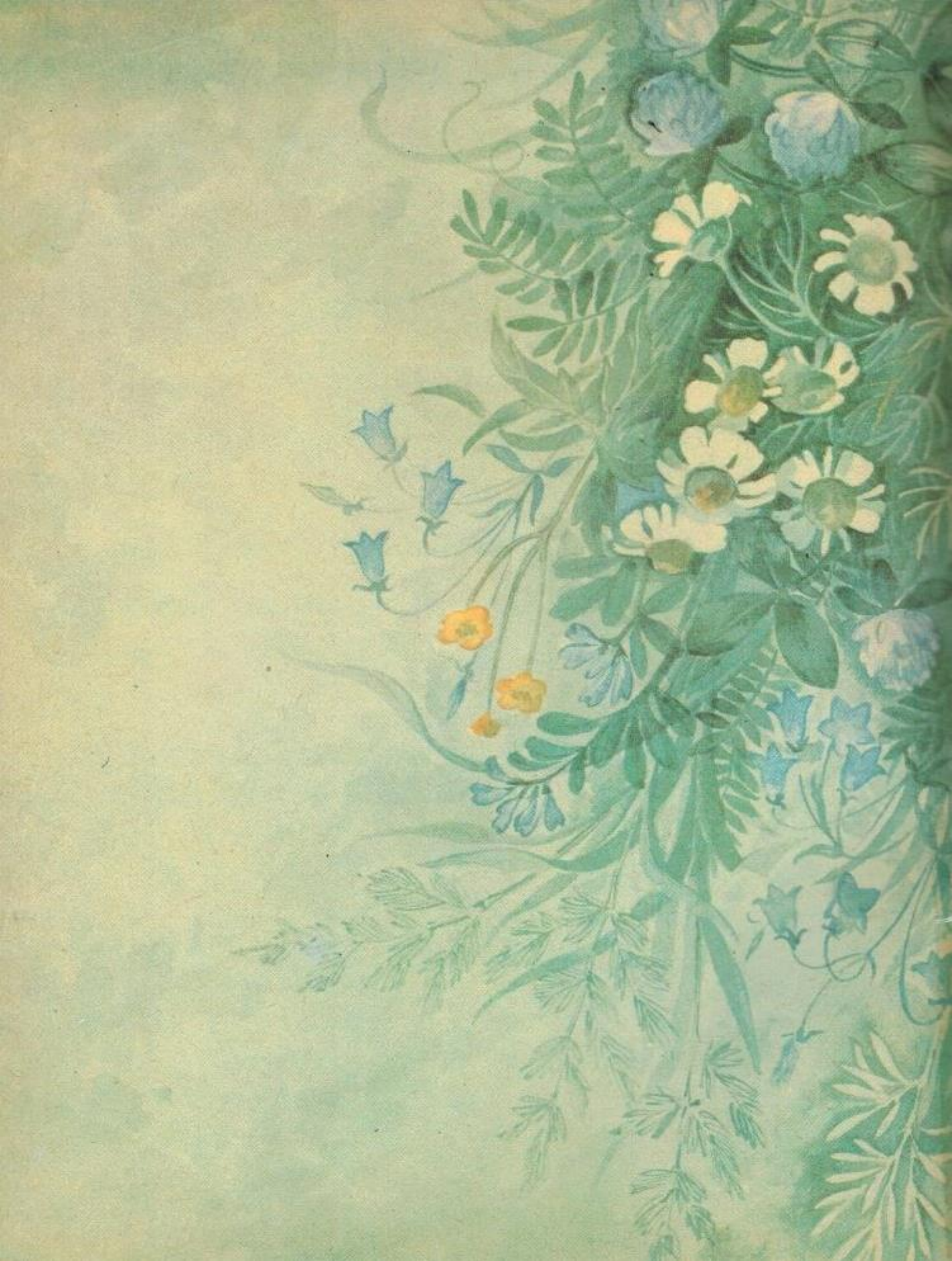
Редактор И. В. Митта
Художник А. А. Ефейкина
Художественный редактор Э. М. Юрьев
Технический редактор В. П. Окнина
Корректор А. К. Шашкина

ИБ 1780

Сдано в набор 10.07.86. Подписано к печати 19.12.86. Формат 84×108^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 21,84. Уч. изд. л. 3,02. Тираж 50000 экз. Заказ № 2571. Изд. № 95. Цена 25 коп.

Чувашское книжное издательство,
428000, г. Чебоксары, пр. Ленина, 4.

Типография № 1 Государственного комитета Чувашской АССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли,
428019, г. Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 15.



25 коп.



Чувашское
книжное
издательство